Артём ПОПОВ

Ничего не бойся!

Рассказ

Капли холодного сентябрьского дождя настойчиво барабанили по металлическому подоконнику, не давая уснуть. По мокрому асфальту шелестели шины – пластиковое окно не спасало от шума. Ветки тополей от порывов ветра то заслоняли, то открывали уличный фонарь, и белый свет заполнял на время комнату.

В этом городском комфорте возникла дурацкая мысль: интересно, а как там сейчас в Антоновке, глухой вологодской деревушке? Впервые оказался в ней жарким июльским днём, поехал, чтобы набрать воды из ключика. Вот бы очутиться там хоть на минутку! Фонарей в деревне нет, всё погружено в беспросветную темноту и оглушительную тишину.

Начал вспоминать…

В Антоновку я отправился за водой, о целебных свойствах которой был давно наслышан от многих: мол, лечит все болезни. Ключик ещё называли Каменным. Мол, попьёшь водички и будешь крепким, как камень.

Доехать до этой деревушки без подробной инструкции невозможно. Какие там указатели! Знакомые нарисовали путь на бумаге. Сначала грунтовая дорога, продавленная лесовозами, затем пришлось ехать полем, заросшим мелким сосняком. Свернул налево, потом ещё раз налево…

Добрался. Сколько таких деревень, как Антоновка, я уже видел! Пять домов пригнулись к земле, по крышу заросли репейником и крапивой Печальное зрелище.

Ручей нашёл по характерному звуку. Вода струилась по деревянному жёлобу, искрилась, как хрусталь на солнце. Зачерпнул ладонью… Вкусная, сладкая, пил бы да пил, но скулы сводило от холода. Набрал две бутылки по пять литров – хватит. Впрок не запасёшься. Умылся.

И всё-таки интересно пройтись по этой деревушке. Антоновка… Весёлое название. Так называется сорт яблони, а здесь одна малина вокруг да чёрные ёлки подступают к домам.

От ручья нащупал твёрдую дорогу. Камни были выложены ровно, подобраны один к одному, как городской асфальт. Дорога уходила в лес. Да это чудо ещё похлеще ручья! Кто-то проделал титанический труд. Но кто? И когда? Загадка…

Ближайший к источнику дом – единственный с целыми стёклами. Он был сложен из толстенных брёвен: трудно представить, что их поднимал человек. Странно, трава у избы как будто примята. Вдруг там кто-то живёт? Но деревня считалась нежилой.

Набрался смелости – заглянул через приоткрытые белые шторки. На столе у самого окна – ломоть чёрного хлеба, граненый стакан в подстаканнике и… надкусанный огурец! Спина похолодела. Кто-то здесь живёт! Захотелось поскорее уехать. Так, где же оставил машину? А-а, вот она… Быстро зашагал от этого дома.

– Парень! – раздался в спину старушечий голос. Обернувшись, увидел на пороге бабку. Вполне себе приличная, одетая в яркую цветастую кофточку, в которой можно и на вечер танцев сходить. Пепельного цвета волосы. Лицо в сетке морщин. Прищуренные глаза.

– Ты к кому приехал? Или за водицей? – проокала бабка.

– Да, за водой на ключик. Уезжаю уже.

– Постой! Милый, довези-ка до остановки старую. Я быстро соберусь, – и не дожидаясь ответа, ушла в дом.

«Ну вот, не хватало ещё странной попутчицы».

Она собиралась долго. Вышла: в одной руке – корзина, полная до краёв черники, в другой – пластиковая пятилитровка с водой. Шустро забралась в машину.

– Я думал, что тут никто не живёт, – пытался заговорить с бабкой. Рот её был запачкан соком малины, семечки прилипли к верхней губе. Видно, что в зеркало она не смотрелась давно. А зачем? Одна живёт.

– Ты меня тоже испужал. Только села отобедать – гляжу, кто-то шастает по деревне и ко мне правит. Пришлось прятаться в кути. Я три дня как приехала из городской квартеры. Думала, поживу подольше, а как? За зиму украли всё металлическое. Даже ведро поганое забрали, чего уж там плитка с кипятильником. Кастрюли тоже своровали, нечем воду погреть и поисть сготовить, – бабка изливала душу, пока я рулил.

– И как вы жили?

– На воде. Холодной пила. Огуречики, помидорки, хлеб был. Зубов всё равно нету.

Жалко стало бабку.

– А кто у вас из булыжников дорогу-то выложил?

– Это монах Антоний, не знаю, в каком веке и дело было. Деревню-то в честь его назвали.

Мне стало любопытно, не поверил старухе.

– А откуда монах в деревне взялся?

– Говорю же, деревни не было. Лес один стоял. Бабушка мне сказывала, что Антония сюда сослали из Перегудовского монастыря. Полюбил он молоденькую девушку из соседнего села…

– Так Перегудово же далеко отсюда, километров тридцать? – вспомнил развалины монастыря – одни стены, заросшие внутри березняком.

– А по прямой – двадцать. Вот наказание Антонию дали – сделать дорогу из камней в монастырь, тогда и искупишь грех. В землянке вначале жил. Воды здесь не было, так ручей сам Боженька ему помог открыть. С тех пор люди отсюда берут воду. Сколько приезжает каждый год! Я в первую дорогу сама шла от остановки десять километров, хоть бы кто посадил. Думала, помру уж. А выпила воды – и забегала.

Мы ехали по грунтовке, а я представлял себе этого монаха.

– Не раз спасал Антоний нашу семью, – продолжала бабка. – Перед Великой Отечественной отцу приснился монах в землянке. Подивились они этому с мамкой и забыли. Началась война. Рассказывал батя потом, как их дивизию в первый месяц немцы с самолётов закидали бомбами, кровавое месиво одно от людей осталось, где рука валяется, где голова. А отец в землянке схоронился. И надо же: не упала туда ни одна бомба! В пехоте прослужил всю войну. Без ранения! Когда родителей уже не было, я в деревне одна с детьми какое-то время жила. Снится мне однажды, что монах в избе стоит прямо надо мной. Тут я и подскочила с кровати. Чувствую: угарно в избе. Бросила стул в окно, чтобы воздух зашёл, детей подняла. Ещё бы немного – и померли все. Сколько таких счастливых избавлений было! Всех уже и не упомнишь.

Приехали в село. Почему-то не хотелось расставаться с пассажиркой. Она торопливо собирала вещи, городской автобус уже стоял на остановке.

– А как он сам-то умер?

– Кто? Антоний? Как, как… На последних метрах булыжники укладывал, уже и монастырь виден был. Упал и умер. Старый ведь, двадцать лет мостил дорогу. И зимой, и летом в длинной до пят чёрной рясе ходил. А прямой оставался до смерти, не согнули камни! Всё потому что родниковую воду пил. Похоронили Антония у стен монастыря. Могилу сейчас, конечно, никто покажет. Все порушено и дорогу забросили. По полям новую проложили, длинную…

Бабка уже залезла в автобус. И через открытое стекло поблагодарила меня:

– Спасибо, что подвёз, а то не дошла бы. На следующий год приедешь, открою тебе места ягодные. Ты уж наш теперь, антоновский. Ничего не бойся… – почему-то шёпотом добавила и перекрестила.

Двери захлопнулись, и автобус помчался по шоссе.

А я даже не догадался спросить, как зовут попутчицу. Потом в селе рассказали, что это последняя жительница Антоновки, бабушка Вивея, и в прошлом году ей исполнилось девяносто лет.

– Чему удивляться? В Антоновке все чуть не до ста лет жили, потому что воду пили железную.

По приезду в город в словаре посмотрел: Вивея – значит крепкая…

Почему вспомнилась Антоновка сейчас, в эту сентябрьскую полночь? Сон никак не шёл. Любимая спала рядом, подложив, как ребёнок, руки под подушку. Встал, посмотрел во двор и на детской качели увидел какого-то старика с непокрытой седой головой и в чёрном длинном балахоне. Я отпрянул от окна, задёрнул тяжёлую штору. Это ещё что такое?! Снова выглянул. Никого на детской площадке уже не было, дождь закончился, ветер стих. А сиденье качелей раскачивалось…

Через неделю любимая сделала меня самым счастливым человеком: у нас будет ребёнок! Но после обследования врачи отговорили рожать: слишком сложный случай. Я сказал тогда Наташеньке: «Ничего не бойся!». Роды проходили тяжело, но закончилось всё благополучно. Да, назвали сына Антошей…

Ирина ИВАНЧЕНКО

Хрупкая лодка по имени Земля

Рассказ

Сегодня на левом берегу подозрительное оживление. Много машин, бульдозеры… Начали вырубать рощу. Я спросил у всезнающих мальчишек

– И что это будет?

– А завод построят, – охотно объяснил мне вихрастый и конопатый представитель босоногого рыбачьего племени, – химкомбинат. А отходы в речку сбрасывать будут. Все. Хана рыбалке. – Он сплюнул себе под ноги, смешно пошевелил грязными пальцами ног. – Повсплывают караси кверху брюхом…

Остальные мальчишки сворачивали удочки. Действительно, какая уж тут рыбалка… Они попрятали одежду в дупло старой ивы и махнули на тот берег – разворачивающаяся стройка их явно привлекала больше, чем тихое сидение с удочками. Я задумался. Химкомбинат, отходы в реку… С этим надо что-то делать.

К вечеру все затихло. Периметр будущей стройки обнесли забором, на испоганенной земле появились три вагончика, возле них замерли два бульдозера. На лесенке одного из вагончиков сидел сторож и курил, у бульдозера привязали большого злющего пса. Роща попросту перестала существовать…

Я уже говорил, что не люблю людей? Технику и вагончики можно утопить. Не в реке, конечно. Там на это места не хватит. Да и достать можно. Люди, они ведь настырные. Если я попрошу, земля-мать все примет. А я попрошу.

Пес не сопротивлялся, когда я отвязывал его от бульдозера. Сторож долго не мог понять, чего от него хотят, но, увидев целых три бутылки водки и поняв, что со стройки воровать ничего не собираются (а чего тут воровать? Воровать-то кроме бульдозеров и забора еще нечего), подношение принял, а, приняв, громко захрапел. Земля расступилась и поглотила машины и вагончики. Вскоре ничего не напоминало о недавнем варварстве. Вот только рощу никто не вернет. Деревья растут долго… Ничего, весной река разольется и принесет с собой новые семена новых деревьев. А я уж постараюсь, чтоб им никто не помешал вырасти.

Утром приехавшие на машинах и автобусах работяги подняли переполох. Долго будили пьяного сторожа, вызывали милицию, искали следы… Рыть котлован начали только во второй половине дня. Я наблюдал за всей этой возней с правого берега. Ничего, ройте, ройте. Утром вас ожидает сюрприз. Вновь установили вагончики, технику, правда, оставлять не стали. Ну и не надо, мне меньше забот. За ночь я тщательно сровнял нарытое и утопил вагончики. Троих работяг, заночевавших в них, пришлось усыпить наговором. Вспомнил детство. Меня эта возня начинала даже развлекать. Вот только рощу жалко. Весной в нее соловьи прилетали. Теперь уже не прилетят…

На следующее утро по стройке прошлось высокое начальство в сопровождении милиции. Где-то в городских верхах, видимо, назревал большой скандал.

Я мирно сидел с удочкой на правом берегу, когда ко мне подошел милиционер с папочкой и поинтересовался

– Ловишь?

– Да так…

– Поймал чего?

– Неа… – разумеется нет, на моих удочках начисто отсутствовали крючки. Правда, милиционеру знать об этом совсем не обязательно.

– Ты ведь тут каждый день сидишь. Наверное, купаться ходишь, ничего такого не замечал?

– Какого *такого*? – темните, дяденька.

– Ну, может, ходили люди незнакомые, нездешние… Ты ведь сам деревенский, ты тут всех знаешь?

– Э, да тут все время кто-нить ходит. То рыбу ловют, то водку пьют, – прикидываюсь лопухом я. – Да вы и сами не местный, дяденька!

– Ну, хорошо, – сдался милиционер, – если что подозрительное заметишь, обязательно скажи. Я еще подойду к тебе. Ладно?

– А как же! – кивнул я.

Милиции надо помогать. Только фиг вы чего найдете, дяденька. Бульдозеры уже глубоко. Помнится, еще в войну немцы на танках подъехали в аккурат с левого берега – и туда же: «Малшик, показайт нам мост или мы тебя немножко стреляйт!» – и это мордатое нечто ткнуло меня в живот дулом автомата.

Мне в принципе было абсолютно все равно, чьи дети ловили бы рыбу в моей реке. Я не люблю всех людей без исключения. Но сама постановка вопроса меня оскорбила до глубины души. Не плюйте в колодец, господа…

– Вам лучше уйти отсюда, – сказал я им тогда. Они долго смеялись. Уж не знаю, что в этом было смешного.

– Храбрый малшик – партизанен? Мост, показайт мост…

Мост я не показал. Не из вредности или героизма. Не было моста. Его просто взорвали другие при отступлении. А когда горячие пули прошили мое тело, я попросил землю, как просил ее не раз до того и после того. И она мне не отказала….

Эти танки и сейчас там. Очень глубоко. Гораздо глубже плодородного слоя почвы. Медленно погружаются к раскаленному чреву планеты, сминаясь в бесформенный комок под сильным давлением, и когда-нибудь достигнут ядра…

Все-таки люди странные существа. Считают себя разумными. Обладатели разума уже оставили бы попытки поганить землю и воду, особенно столкнувшись со столь явным противодействием. На свой наблюдательный пункт на старой иве я поднялся еще затемно. Высокое начальство не заставило себя долго ждать. Видимо, дело со строительством химкомбината было взято на особый контроль. В сопровождении милицейского «уазика» к строительной площадке подкатило целых три «волги». Из машин выбрались люди со странными приборами и принялись оцеплять стройплощадку проводами. А это становится все забавнее! Как и следовало ожидать, от усыпленных мною работяг никто не мог ничего добиться. Они лишь очумело мотали головами, и вяло разводили руками. Нет, не пили… Нет, ничего не помнят… Нет, никто не приходил… Ну еще бы! Строгое начальство никак не могло уразуметь, куда делись вагончики, и кто засыпал вырытый за целый день работы котлован?! В мистику строгое начальство верить отказывалось. Ну и правильно. Я в мистику тоже не верю…

Подтянувшиеся вскоре мальчишки долго возбужденно гомонили, располагаясь на берегу.

– Семенов сказал, что из края специалистов вызвали! Будут выяснять, что на стройплощадке делается.

– Много знает твой Семенов. Не из края, а из Москвы!

– Специалисты по паранормальной активности.

– Бери выше. Телевизионщики приехали. Передачу хотят снять, а им запрещают.

– А запрещают чего?

– Кто знает? Боятся, как бы чего не вышло…

– А моя бабка говорит, это водяной шалит…

– Ничего себе у него шалости! – прыснул кто-то.

– Пойди скажи своей бабке, пусть специалистам из Москвы посоветует водяного задобрить. – Ребятня дружно расхохоталась.

– Ребят, а вам нашу речку совсем не жалко? – раньше я с ними почти совсем не разговаривал. Так все как-то не о чем было. Ну, о мелочах разных вроде наживки, или спички попросят, или время узнать. Я не шел на контакт вполне сознательно. Человеческий век слишком краток, чтобы заводить с этим беспокойным и назойливым племенем близкое знакомство. Не успеешь узнать, почувствовать, задеть тонкие душевные нити, а они уже оборвались…

– Жалко? – переспросил высокий, дочерна загоревший парнишка. Остальные называли его Толян. – А чего ее жалеть? – он вполне искренне удивился. – Чего ей сделается-то? Наоборот, построят химкомбинат, будут новые рабочие места.

– Комбинат испортит воду в реке и воздух в городе.

Мальчишки перестали гомонить. Было видно, что разговоры эти они уже слышали и дома.

– Да ну вас! Что вы в самом деле! – досадливо махнул рукой один из них. – Ну и что мы можем сделать? С плакатами пойдем? Наручниками себя к вагончикам приковывать будем? Я, например, тоже против этого химкомбината. Известное дело, им лишь бы построить. А отходы, понятно – в реку. Да тут через полгода к воде без противогаза не подойдешь! Я знаю. У меня тетка в Невинномысске живет. Там вороны на лету дохнут. Помяните мое слово, у нас такая же песня будет. Пусть этот водяной и дальше строителям пакостит, я ему только в помощь.

– Слушайте, а в самом деле, неужели это и правда водяной? – Беловолосый малыш Темка с опаской тронул ногой желтоватую речную воду.

– Водяных не бывает, – авторитетно заявил Толян. – Бабские сказки.

– Ну, кто-то же вагончики убрал, бульдозеры угнал и котлован зарыл, да так, что следов не осталось?

– Ага, водяной! – усмехнулся Толян. – Сами строители и пропили все это добро. А котлован «зеленые» закопали. Они ведь протестовали против строительства?

– Они на площади протестовали.

– Филька, чего ты пристал со своим водяным?! Ты тут всю жизнь купаешься, ты его хоть раз видел?

– А моя бабка говорила…

– Вот и иди к своей бабке! Всю рыбу распугал!..

Я поневоле задумался. Совершенно ясно, что в этот раз человеческие интересы пересеклись с моими. Вопрос идет о жизни и смерти. Это не пустые слова. Я слишком завишу от своей реки. Если верить словам мальчика о дохнущих на лету воронах, то меры нужно принимать серьезные и незамедлительно. Конечно, я не привязан именно к этому берегу своей реки. Я могу плыть по ней до самого моря и жить в любой точке от истока до устья. Но ведь отрава, которую люди сбросят в воду, также доберется в любую точку моей реки. И это лишь вопрос времени. Я слишком долго живу среди людей, я их достаточно хорошо знаю. Поэтому и не люблю. Поверьте, их не за что любить.

Если жизнь в моей реке прекратится, рано или поздно погибну и я сам. Я конечно почти бессмертен. Но только почти… Как ни странно, я живу только пока жив хотя бы один захудалый пескарь в водах моей реки, ходя бы однаразъединственная плотвица. Пока еще плотвы в моей реке предостаточно. Да что там. Скажу вам по секрету, в моей реке в глубоких омутах водятся огромные сомы. Ростом как раз вот с этих беспечных мальчишек-рыбаков.

Совещание на левом берегу закончилось. «Волги» и «уазик» уехали, вновь зарычали бульдозеры и неугомонные строители принялись снова рыть свой котлован. В этот раз, правда, вагончиков не устанавливали, забора не ставили. Просто выкопали здоровенную яму и все.

Мальчишки, с интересом следившие за тем, как столичные эксперты устанавливали свое оборудование, стали спорить.

– Утром котлована не будет! – убежденно заявил Филька и ловко выдернул из воды довольно крупного коробка.

– Нее, – Толян лениво сплюнул на воду, – такую здоровенную ямищу «зеленым» ни за что без бульдозера не зарыть. А стройку милиция охранять будет. Так что все, сказки кончились.

– На что спорим?

– Да на твою удочку!

– Ну… хорошо. Ребят, разбейте!

Темка охотно разбил спорщиков. Я внимательней присмотрелся к Филиппу. Странный парнишка. На его углепластиковое удилище ребятня поглядывала с завистью. Остальные рыбачили обычными бамбуковыми удочками. А тут дорогостоящая новинка. И так легко на кон поставил, словно знал, что котлован действительно за ночь исчезнет.

Милицейский кордон охранял стройку только со стороны дороги. Разумные люди считали, что зарывать котлован будут другие не слишком разумные люди при помощи тяжелой техники. Я усмехнулся. Портить жизнь дяденькам из милиции не стал. Пусть уж спокойно выспятся на дежурстве, когда им еще такое выдастся. Вновь аккуратно заровнял котлован и тоже пошел спать.

– Водяной, ты где?! Я знаю, что ты здесь! Выходи! Выходи же! Очень надо, понимаешь?! – вполголоса отчаянно надрывался Филипп.

Я выглянул из-за кустов. Интересно, чего ему надо в такую рань на реке? А! Он же вчера с мальчишками спорил на свою удочку. Не иначе пришел посмотреть, чем дело кончилось. Не увидит ничего парень. В это утро на воду лег густой, как парное молоко туман. Правда, можно было услышать, как с того берега разрывается сирена милицейского «уазика».

– Водяной, я про тебя никому не скажу, – продолжал убеждать Филипп. – Только поздно уже. Про тебя и так знают. Ты ночью на камеру слежения попал, когда котлован закапывал. Мой старший брат взломал комп этих специалистов из Москвы. Ну, в общем, долго объяснять… Ты в опасности!

Странный парнишка. Предупредить, значит, пришел. Ладно. С этого места подробнее, куда я попал? Я вышел из-за кустов. Увидев меня, он вздрогнул.

– Ты чего орешь? – спросил я.

– Я это… предупредить хочу. – Было видно, что Филиппу сильно не по себе, но он старается держаться независимо.

– Спасибо, уже предупредил. И меня, еще и рыбу распугал на километр вниз по течению.

– Я серьезно! Они скоро будут здесь, – заторопился мальчишка. – Как только сообразят, кого увидели. Наших пацанов допросят, выяснят, что это именно ты сделал, и приедут.

– Успокойся, Филипп, – я вышел из воды на берег и принялся отжимать одежду. Привычные действия его действительно успокоили. Он уселся около меня на корягу.

– А… ты действительно водяной? – спросил с интересом и затаенной опаской.

– Действительно, – усмехнулся я.

– Тогда нужно что-то делать, – он решительно тряхнул головой.

– Ты о чем?

– Тебя нужно где-то спрятать. Эти люди из Москвы. Они тебя поймают, начнут изучать, могут вообще угробить!

– Филь, ты действительно думаешь, что легко угробить того, кто может за одну ночь утопить в земле котлован, вагончики и бульдозеры?

– Но ты же не знаешь, на что они способны? А если начнут стрелять?

– Пусть стреляют, Филь. Главное, чтобы в это время тебя поблизости не было.

– И ты не дашь им построить комбинат?

– Нет, Филипп. Я не дам травить реку.

– Мой брат, он за «зеленых». Он считает тебя мутантом. Что-то вроде человека-паука, – Филипп хихикнул. – А бабка говорит, довели природу-матушку, вот она и огрызается… Знаешь, я когда вырасту, обязательно придумаю такие фильтры, чтобы промышленные стоки очищать. Брат говорит, что работы в этом направлении непочатый край.

– Ну ты уж постарайся, а я тебя подожду.

Нашу мирную беседу прервал вой приближающейся милицейской сирены.

– Ну, давай беги домой. Если что, ты меня не знаешь, – посоветовал я ему.

– А тебя точно не убьют?! – в глазах Филиппа снова появилась тревога.

– Я бессмертен. Мне столько же лет, сколько реке, а это, поверь, очень много.

Пока дяденьки милиционеры бродили по туману вдоль берега моей реки, я думал. Люди не склонны меняться к лучшему. А может, мы сами в этом виноваты? Мы допустили ошибку. Нужно было не прятаться под корягами, ожидая пока нас вытравят сточными водами и химикатами, выбьют вместе со зверьем, срубят последнее дерево в лесу. Нужно было идти к ним и учить. Учить их жить в мире с нами, в согласии с природой. В конце концов, мы с ними плывем в одной лодке. Маленькой хрупкой лодке по имени Земля…